

Томская область, Парабельский район,
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
Старицинская средняя общеобразовательная школа

Исследовательская работа

Тема: «История нашего края, в годы
репрессии».

Выполнила: Бондаренко Влада
обучающаяся 9 класса.

Руководитель: Родикова Мария Васильевна
Педагог дополнительного
образования

с .Старица

2014 год

Содержание

1) Введение (цель, задачи ,направление исследования).....	3
2) Репрессия в судьбе Хадкевич Антонида Григорьевны.....	4
3) Репрессия в судьбе Репиной Федосьи Герасимовны.....	5
4) Репрессия в судьбе Афанасьевой Татьяны Петровны.....	9
5) Репрессия в судьбе Носовца Виктора Ануфриевича.....	11
6) Репрессия в судьбе Мыльниковой Марии Алексеевны.....	15
7) Заключение.....	17
8) Список используемой литературы.....	18

Введение

История России полна подлинного величия. Мы гордимся боевой и трудовой славой, научными и культурными достижениями наших предков, которые отдали России свои силы, таланты, мужество. История нашего края, района, села неотделима от истории нашей страны. Все, что происходило в России, всегда сказывалось и отзывалось на нашей малой Родине. Мы гордимся земляками, ветеранами Великой Отечественной войны и тружениками тыла. О них в школьном клубе «Поиск» нами собран очень большой материал. Но есть в нашей истории и трагические следы, связанные с периодом репрессий 30-50-х годов XX века. Коснулись они и жителей моего села и их близки х родственников, многие из которых были принесены в жертву истории. Долгое время эта тема была закрытой. О ней старались не говорить, не вспоминать, не обсуждать. И только в конце 80-х - начале 90-х годов XX века стали открываться неизвестные страницы прошлого. Изучая историю возникновения нашего села, я узнала, что часть жителей является спецпереселенцами . Они оказались в нашем крае в результате политики репрессий, которую проводило наше государство в 30-50-е годы прошлого столетия. Но информация об этих людях носила отрывочный не полный характер

1938-1939годы.Группа томичей едет осенью с семьями на работу в село Старица. Фотографирует Влас Григорьевич Червов на кадре нет, первый ряд - Червова Майя, в центре Геннадий Иванович Шумилкин в шинели, рядом Людмила Червова, второй ряд слева не известный, второй Владимир Кулебякин с сыном Эдиком, далее изображение утрачено, там были : Ольга Григорьевна Червова, и Анна Григорьевна Шумилкина, далее сизу я-Юрий Шумилкин у матери на коленях с какой-то птицей в руках, и справа сидит тетя Люба Кулебякина

И я изучила историю и судьбы жизни людей, подвергшихся политическим репрессиям, на примере своих односельчан.

Хадкевич Антонида Григорьевна родилась 19 января 1928 года в селе Черепаново, Черепановского района Новосибирской области. В семье было 5 детей, она 2 сестры и 2 брата которые умерли в младенчестве. Родителей звали Рогалевич Григорий Антонович и Рогалевич Татьяна Александровна.

Не по своей воле, в 1931 году, как и многие другие жители района, попала вместе с родителями в Нарымский край, посёлок Березняк. О том как везли не помнит, так как было ей 3 года.

В январе 1938 года, когда ей было 10 лет, арестовали отца, и ни каких вестей... Куда только не писали, отовсюду были разные ответы. Только лет через 10 или больше один мужчина, которого забирали вместе с отцом, рассказал, что случилось. Отца расстреляли в апреле 1938 года. Уже без него переехали в посёлок Большое-Широково, построили дом. Антонида Григорьевна ходила в школу, но училась лишь до 4 класса. На обучение в селе Старица не было денег.

Вспоминая о детстве, и годах юности она всегда плакала, ей было тяжело вспоминать о жизни в землянке, о скудной еде, которой всегда не хватало, о ветхой одежде, в которой вечно простывали и из-за этого часто умирали.

В годы войны работала везде, где только можно было, но как бы трудно не было, все верили в счастливую судьбу. Закончится война, вернутся в село мужчины, взвалит на свои плечи самую тяжёлую и трудную работу, а женщины наконец то смогут отдохнуть. Но до этого нужно было ещё дожить

Спецпереселенцы построили на территории Старицинского округа много деревень, но не долговал их век. Люди перебирались в более крупные сёла, туда, где были школы и крупные колхозы. Семья Антониды Григорьевны не стала исключением, в 1965 году они решили переехать в Старицу. Поселились в маленькой избушке, а через некоторое время пристроили к ней три комнаты, помог совхоз, председатель разрешил перевезти сруб «Красного уголка» из д. Широково. Дом получился просторный, светлый здесь она с мужем вырастила 3 детей.

Репрессия в судьбе Репиной Федосьи Герасимовны

-(из газеты «Ленинская правда» 22.01.1991)

Семья Репиной Федосьи Герасимовны

большая была: 5 детей.

Отец Репин Герасим

Афанасьевич. «Мать у меня Репина Евдокия Константиновна религиозная была, из староверов, и брат ее тоже в бога веровал. В Горьком жили, а тут как раз революция шла. Вот маминому брату и закоснуло, поедет, мол, в Сибирь, в тайгу далеко, молиться будем. Он и поехал взял сюда, на Комбрас, и мать с ним. Был там старик, вроде попа, там они в кержацкую веру и окрестились. Потом стал народ из городов приезжать, бежали от революции, гражданской войны.

Самые первые люди в Старицу приехали в 1919 году. И брат мой с ними же в 1919 году

приехал. Жили тут две семьи остяков (на Минеевке): Моисеев Никанор Константинович с дочерью и Минев Алексей Никонорович с сыном и дочерью. Приехал народ место искать для жилья. Остяки пустили сюда народ. А в 20-м году и вся наша семья приехала. Народу было много. Родня приезжала к родне.»

А на месте-то этом ничего не было – одна тайга горелая, болотная. Берез нынешних вообще тут не было. Это потом уж гарь березами поросла. А раньше-то тайга орехова была. Во-от такие пни горелые одни были, когда мы приехали. Где гостиница (это место около конторы лесничества), там болото было, клюкву брали, скотина даже там тонула. Где контора совхозная (здание администрации), грива горелая была.

Вот и начали пни эти корчевать, сжигать их да строиться. Почитай все поля тут приезжими выкорчеваны, не колхозом. Самые первые дома на берегу строили..... Не осталось домов то уж тех.

Потом много народу понаехало, дележку земли провели, и всяк свою сам корчевал. Жили речкой, охотой. Белку стреляли. Потом уж и скотину развели.

Худяковы еще сюда в 1919 году приехали, скотины с собой навезли.

Первые поселенцы здесь были не ссыльные, а вольные!!!

Поначалу, конечно, бедно жили. Почитай, голыми приехали, босиком я ходила. Но работали вовсю, хозяйствовало. Батраков-то не было ни у кого.

Всяк сам себе и хозяин, и батрак. Разжились, забогатели. Может, помаленьку и все бы стали богатыми, если бы не колхоз. Если бы колхоза еще годков пять не было, нас бы всех можно было бы раскулачивать. Все работяги были, хозяйством неплохо обзавелись.

Ленин как сказал? НЭП надо сделать, поднять хозяйство. Если сразу сделать коммунизм, жить-то на что? Вот и поднимали. У нас только до колхоза было 6 лошадей, коровы, телята. Сеялок, тогда, конечно, не было, сеяли руками. А плужик пахать да борону надо было. Где взять? Далеко ездили за инвентарем. Ягоду брали, пушнину, орехи. По болотам кедровые еще оставались. На конях и возили через Пудино на Барабинск. Там

одно только болото 60км. А куда было деваться? Ездили. Как раз перед колхозом привезли мы себе борону, веялку. Потом уж не стали туда ездить, тут все появилось. Пушкину стали из города приезжать скупать. Магазины по открывались с продуктами, конфетами, пряниками. Кооперация строиться начала, какой-то «Интеграл» даже был... Поначалу-то все рожь сеяли, потом уж пшеницу развели. Жили, было, что поесть на столе. К тому времени в Старице семей 100 уж было, целину разделали, скот развели. Сколько тут уж было богатства всякого у людей!

А которые работать не хотели, те нищи были. Ходили по поденщине. Которые бедняками считались, лоб на лбу были. Самогонку гонят, пьют да курят сидят, да в балалайку играют. И такие были.

Когда про колхоз-то объявили, мои братья-комсомольцы его первыми зачинщиками и стали. В 1929 году агитаторы из Новосибирска приезжали, а в 1930 году и колхоз образовался. Назвали колхоз «Таежная заря». А самым первым председателем был Соснин Василий Васильевич.

Скот, хозяйство свое мы сразу добровольно в колхоз сдали. Я сразу в него зашла вместе с родителями, братьями. Лет 18 мне тогда было. С песнями ходили на работу. А работали с шести утра до позднего. Вместе с другими девчонками на корчевке робила, колодник толстенный пилила.

А через год, в 1931, меня вместе с подружкой послали учиться. Ясли нужны были свои в деревне, детей-то у женщин полно было. Женское собрание собрали и порешили. 8 Марта нас и отправили учиться. Она потом на площадке работала, а я в яслях. Летом в яслях, а зимой опять на колхозных работах: сучья жечь, деревья огребать, дрова пилить. Это сейчас женщины по конторам забьются и сидят, а раньше наравне с мужчинами работали. Нынешние-то удивляются, как это мы так работали. А мы не думали, а работали и все. Сорок лет я в колхозе на всяких работах проработала. Заработала себе пенсию 14 рубчишков. Много годов их получала. Потом стала 27 рублей 87 копеек приносить.. дорабатывала я уже в совхозе, захватила и эти времена. Потом пенсия стала 40 рублей, потом 70, а сейчас (1991 год) 91 рубль.

Денег-то мы в колхозе почти не видали, трудодни были. Пойдешь на работу – палочка, не пойдешь – черточка поперек. Четыре дня проработаешь, выдавали муки по килограмму за день. Так что я не скажу, что голодны были, жить можно было. Мука, конечно, не первого сорта. Лучшее-то зерно район увозили, на семена. И себе на семена была самая крупная пшеничка. Ее в основном, сеяли. Все росло, когда колхоз был. Потом уж, совхоз, когда стал, все куда-то девалось, одна скотина осталась, другое все забросили. Да что теперь говорить-то...

В 30-м году в Старице как раз колхоз образовался. Народу сюда понаехало всякого. Приехали и противники советской власти. На Волге и в других местах прижимать стали, ссылками грозили, вот некоторые и уехали жить в тайгу.

В этом же году организовалась тут банда. Белослущий был у них организатор. Офицер он был. Каким-то образом оказался жив после революции и гражданской войны. В эти места его знакомые по тюрьмам приехали жить.

Жили они в лесу на Горелом Яру. Где-то на полях среди болот у них землянка была. Самих бандитов немного было, если не считать местных, кто им помогал. Это местные кулаки были.

Планы у бандитов были такие: разбомбить Старицу, ограбить, уничтожить народ, да с капиталом этим назад уехать, в свои места. У Белослуцкого даже жена была, а детей не было.

День переворота у них был назначен канун Нового года. (1930). Кого хотели в клубе захватить, а кого по домам поубивать. Но у них не вышло. А почему?

У богатых этих дети были, а они все пионеры. А в селе была традиция: на праздник, на демонстрацию ли, приходиться всей семьей. Пионеры – первые. И кулацкие дети тоже. Бандиты понимали, что им никак стрелять нельзя. На 1 Мая еще хотели, тоже не вышло.

А нам, деревенским и невдомек об этом было. Я молодая была, комсомолка, в спектакле играла. Иду в клуб на выступление с узелком. Навстречу мне парень, связной их, спрашивает меня: «Чего пошла? Куда?». Я и говорю, что в клуб, а он мне: «Не ходила бы ты туда!» Я еще ответила, что зачем бежать? Это я уж потом поняла, когда разбомбили банду, что он меня предупреждал об опасности.

А как разоблачили-то банду? У меня брат Василий, комсомолец, секретарь комсомольской ячейки в деревне. Петр, старший, в сельсовете работал. И еще один, Иван, женатый на девке приезжей. У нее три брата были. Вот одного из них вербовали в банду.

А тех, завербовали, велели идти работать в Осипово на постоянный двор конюхом. Но парень этот не захотел ухолить из колхоза, он и шепнул братьям, отцу, а те – моим братьям.

Брат Василий был в Парабели, там ему поручили обезвредить банду. В деревне тогда и партийные были. Собрали собрание, организовали людей, выехали в Горелый Яр, там у бандитов гулянка была. Дождались когда они стали расходиться. Наши тут и окружили их, постреляли, велели не расходиться, а все молодые были. Пошли все на болото, в землянку. Там часовой. Он и выстрелил, бандиты выскочили, стали стрелять, много было раненых, убитых. Белослудский тоже был тяжело ранен, по дороге в Старицу он умер.

С бандой управились. Из Парабели была милиция, специально нарочных посылали. Всех арестованных увезли. Арестовали много народа, невинных выпустили, остальных посадили.

Так и жили.....

К сороковому году подходили. Тут людей-то и стали арестовывать. А за что? Люди уж и боялись всего, уши приложили, работали вовсю. По сплетням арестовывали-то.

А брали так. Тут одна семья жила, с Бакчара были оба, в колхозе работали. Его потом заведующим взяли в Сибпушнину. Так вот она как-то во дворе управлялась и в кормушке у коровы часть какую-то от ружья увидала. У них потом что-то не заладилось, она с ним разошлась. А когда времена эти приспели, она взяла на него и доказала. Его хватить под шкурку и ни слуху, ни духу. С концом пропал человек.

Теперь другой случай. Был тут старик один, Таскаев. Сам-то туда-сюда ездил, гулял да пил, такой хвастун был. Работал вроде в кузнице, указывал больше. Вот он кузнецов выпытывал, да заявлял, людей-то увозили. Увезли из деревни так человек 10. И все мужики были хорошие, работники.

А вот еще. Была тут одна замужняя, она бригадиром, он – бухгалтером. Тоже разошлись. Она на него со зла доказала, что он банду знал когда-то. И его взяли, и брата взяли, и сватов двух. Ой, больше десятка тогда народа арестовали. И никто не вернулся, ни один.

В хрущевские и брежневские времена о спецпереселенцах власти стыдливо молчали, и сами они избегали воспоминаний, память жила лишь в семейных преданиях.

Авторы воспоминаний тогда, в 1930 году почти все были детьми. Взрослые не дожили, не дождались реабилитации. Но дети помнят.

И о том, как жили раньше, и как та жизнь грубо и страшно оборвалась!!!

Репрессия в судьбе Афанасьевой Татьяны Петровны

Татьяна Петровна родилась 25.01.1929г. в Читинской области Петро-

Забайкальского района. Родители ее имели землю, сельскохозяйственные машины. В 1930 году родителей раскулачили, выгнали из дома, повезли в Томск по железной дороге, из Томска на барже отправили в Парабель. Дальше везли по реке Парабель, по реке Омелич, в Черноушку. В семье были мать, отец, бабушка, мать отца и трое детей от 3-5 лет. Когда высадили на пустой берег, многие рыли землянки, покрывали их дерном. Семья бабушки жила в балагане на берегу реки, там и умер отец. Мать осталась одна с детьми, есть было нечего. Летом ели грибы, ягоды, ели любую траву кроме пырея. Младший брат ходил за милостыней. В 1941 году, перед войной, были построены уже избы. Построили 4

улицы, село было большое. Черноушка постепенно строилась, строили сами, подростки. В том числе и девочки на себе возили неподъемные бревна. Трудно было в войну.

Родители умерли. Татьяна Петровна вспоминает: «Мы были еще небольшие, полураздетые, голодные. Пилили дрова в доме: затащим чурку, распилим ее, тут и расколем, только так и спасались от холода. В школу пошла случайно, хотелось, но не в чем было идти, не было одежды. Однажды ребяташки уговорили меня пойти в школу, завернулась чуть-чуть тряпкой, так и пришла. Учитель пожалел, нашел одежду, даже поселил на время при школе, так и стала учиться, до холодов училась в 1 классе.

Когда наступили холода (теплой одежды не было) обучение закончилось. Работала в колхозе, таскала семена на поля в котомке, а другие сеяли руками. Ходили на прополку полей за 4 км. Вставали с рассветом и на работу; боялись и леса, и начальства. Работали за палочку, но детям палочки не ставили, считали, что мы малы, зарабатывать трудодни. С ужасом вспоминаю, как же выжили, были ведь такие морозы, а мы полуголые. Вещей не было, все отобрали, когда ссылали. Еда была плохая. Ели сорняки, грибы, ягоды, траву. Картошки было мало, почему-то не родилась. Соли давали мало. Ее кипятили и потом давали раствор пить. Помню, что от голода пухли, как «колотушки» лежали на печке. В войну всех мужчин и парней взяли на фронт, вернулись с войны только трое.

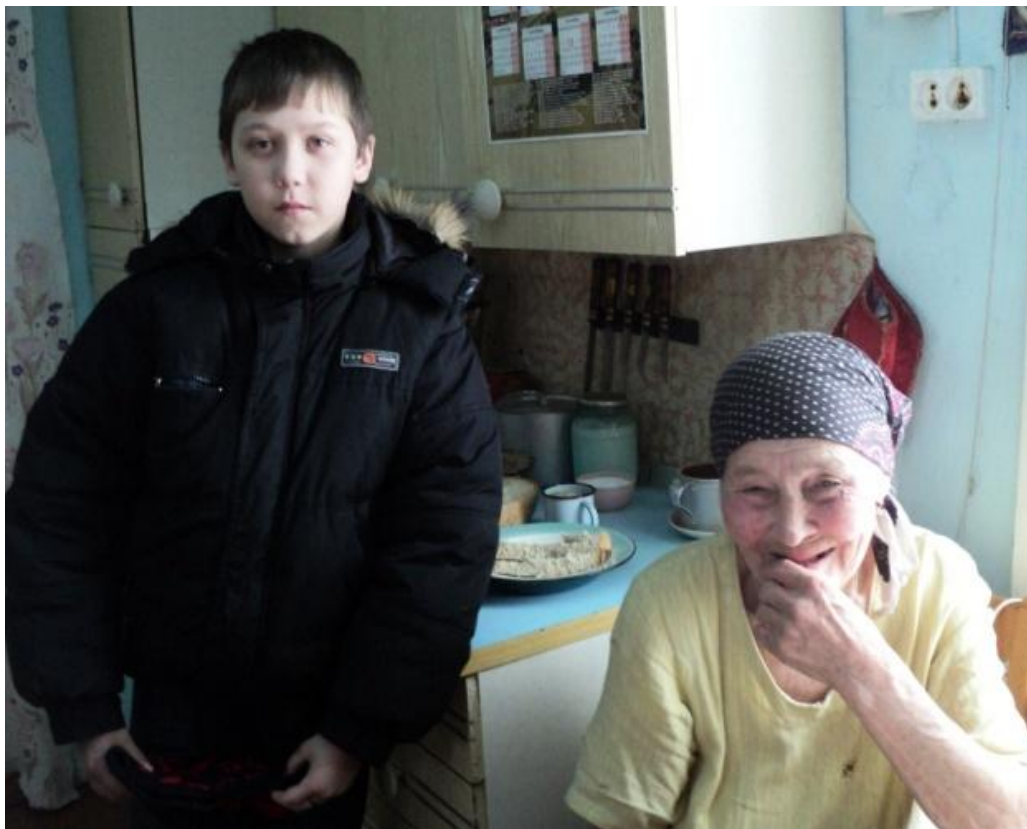
Сильное впечатление произвело событие, когда слепого Зарубина Николая привезли с фронта. Были тучи, шел дождь и общее горе, плач. Постепенно обзаводились хозяйством, завели корову, надо было ежегодно сдавать с коровы 12кг масла государству, а чтобы не сдавать, надо было выработать **112** норм на лесозаготовках.»

Татьяна Петровна это сделала и ее пригласили на слет передовиков в Томск. А ехать было не в чем, не было одежды. Из сукна, что дали матери на премию, сшили пиджак. Взяла с собой 11 рублей денег на поездку. Ехать было страшно, нигде до этого не

бывала. Но все обошлось, и Татьяна Петровна получила премию в Томске шевиот – ткань на костюм. У нее сохранился и мандат участника того слета.

Замуж вышла Татьяна Петровна в Черноушке, там же родила двух сыновей, в Старицу переехали в 1964 году. Работала техничкой, кочегаром МТС, затем дояркой. За добросовестный труд награждена почетными грамотами, значком победитель соцсоревнования, Ветеран Труда, труженик тыла.

Сейчас Татьяна Петровна живет с сыновьями, муж умер.

Сколько судеб было искалечено в то страшное время? Сотни? Тысячи? Миллионы? Полных данных о репрессированных нет. Но нам, молодым надо помнить и знать историю своей семьи, села, страны.

В период складывания тоталитарного режима в нашей стране была создана система карательных органов для преследования инакомыслящих. И с началом коллективизации развернулись массовые репрессии против кулачества и середняков. Считалось, что если богат, то идет против власти. Сейчас мы понимаем, что те, кто трудился, тот и жил лучше, но бедноты было много, и отобрать и поделить нажитое трудом, было естественно. В такой ситуации были очень многие.

Репрессия в судьбе Виктора Ануфриевича

Носовец Виктор Ануфриевич, родился 29.11.1925 года. В 30-е годы выслали. Отца Ануфрия Петровича арестовали 7 июля 1930 года, приговорили к 10 годам лишения свободы без права переписки. Родные искали его много лет, но их встрече не суждено было сбыться... Так как его расстреляли через 10 дней после ареста. За это не долгое время заключения он перенёс 13 допросов. В последний день его расстреляли... А в 64 его реабилитировали «за не доказанностью предъявленного обвинения»

В семье было 8 человек и только один из них работающий, Ануфрий Петрович. Он был инвалидом раненый в японскую войну (пуля прошла через грудь). Был на службе 7 лет в царской армии. Семья имела 22 голов скота; сельхоз технику: жнейку, косилку, конные грабли, плуг, борону, ходок, телегу и т. д. Всё имущество забрали в комунну так как вся семья была лишена избирательных прав.

Ночью пришли уполномоченные выставили семью на улицу, заколотили окна и двери. Мать Екатерина Григорьевна осталась на улице с 6 детьми. Младшим: Виктору было 5 лет, а Владимир на тот момент был грудничком. Из воспоминаний Виктора Ануфриевича «Мама, старшие братья и сёстры, плакали, потому, что, отца Ануфрия Петровича арестовали и увезли. А я пока не понимал, что происходит... Я ловил ртом падающие снежинки, которые замечали следы счастливой, прошлой жизни... поэтому сидели и ждали своей участи на большом сундуке и кровати, которые вынесли из дома. Ждали месяц, на жильё их взяли сначала соседи, затем далекие родственники. Весной посадили на паузок и повезли по реке с Новосибирска до Парабелы, привезли потом в село Саиспаево. Там было 3 барака, в два поселили людей, а один был для инвентаря. Бараки – это плетеные строения, обмазанные глиной. До Белки было 8 км, приехали жить туда. Дали палатки, жили все лето. Кто из взрослых мог работать – работали, строили бараки: одна стенка от горы, а три из дерева. Пол был земляной. Спали на нарах, которые мастерили из жердей, покрывали мохом, хвоей. Барак стал протекать, дали другой. Потом перевели в избы. Брат и две сестры работали... Затем сослали в Сочигу, туда приехало нас 6 семей».

Двух братьев в 1943 году взяли на фронт. На одного пришла похоронка, а другой пропал без вести. В войну стал работать в колхозе. Приходилось выполнять разную работу, куда посылали, туда и отправлялись, не отказывались, понимали, что так надо. Когда поспевали хлеба, косили и руками, и на лошадях. Вязали снопы. Ставили их в суслоны. Ночью скирдовали. Натокую молотили зерно, веяли, сушили, ссыпали в мешки. Возили мешки в Щуку, за 9 км, в заготзерно. Был тогда доведен план по сдаче хлеба по пятидневкам. Кто работал на полях, жил на культстанах, то ели хлеб, а кто был дома – давали по 300 г. Чтобы иметь хлеб на зиму, осенью провеивали остатки от молотыбы зерна, лучшее сдавали, а остатки остатков мололи на мельнице, эту муку просеивали, и только половина была хорошей. Доярки уезжали на заимки, там жили в избышках,

ухаживали за кровами, доили их, доглядывали за жеребятами. Зимой досыта хлеба не ели, только картошку, и то, если она урождалась. Выращивали морковь, свеклу, брюкву, репу, но все это было маленькое, так выращивать приходилось на глинистой земле, другой не было. Трудно было.

1 мая 1943 Виктора Ануфриевича взяли в армию. Из-за недостатка еды, ростом не вышел, отправили домой уже в августе. Взяли тогда 7 человек, довели до Бердска. Всех куда-то определили, а его в пехоту зачислили. Выдали шинель, скатку через плечо, винтовку через плечо, лопатку, чтобы окапываться, гранату и противогаз. Шинель была длинной для него, ботинки были тоже большие. Эти ботинки он быстро сломал, наступив в ямку от следов скота. Выдали вторые. Тогда же он повредил ногу. Вызванный медработник сказал, что началась гангрена, нужно в госпиталь. Затем на комиссии смерили его рост, оказался 148см, а вес 48кг, что было меньше нормы на 2 кг и на 2 см соответственно. Его отправили домой, где проработал еще год в колхозе.

1 мая 1944 года его опять призвали в армию, довели до Омска. Определили минометчиком. У Виктора Ануфриевича было острое зрение, его назначили командиром, но он отказался, так как надо было командовать двумя сорокалетними мужчинами, а ему было 19 лет. Стал проситься на фронт добровольцем, как раз в это время формировалась группа добровольцев. Его не отпускали, но он уговорил. Пока уговаривал, обмундирование уже выдали, поэтому он получил только продовольствие на 5 дней. На фронт ехали 19 дней. Когда однажды налетели немецкие самолеты, а это было в брянских лесах, высадили их из 90 вагонов, велели спрятаться в лесах. Потом они пешком дошли до Брянска, затем был Орел, Могилев. Виктор Ануфриевич вспоминает, что когда бомбили состав у Могилева, то бомбы «свистят, мяукают, как кошки». Его волной от стенки к стенке качало в траншее. Все солдаты побежали по траншее, где-то дня два нельзя было подъехать к станции, но вели строительные, восстановительные работы, укладывали рельсы на шпалы и через два дня движение поездов восстановили. Везли горючее, продовольствие, солдат на фронт. Попал он в распределительный батальон. Они занимались помывкой солдат, выдачей продовольствия, солдатского белья. Выполнял работу телефониста, связного, помощника повара, чистил картошку, драил котлы. Слово напротив нельзя было сказать. Приходилось носить сообщения, приказы партизанам. В лесах было много партизан. Когда прорвались у Могилева, распределительный батальон оказался не нужен, его расформировали. Домой вернулся в конце сентября 1944 года. Военный билет был на руках. По каким-то причинам он не попал в списки фронтовиков. Почему-то в книге в сельсовете он дважды был отправлен на фронт, но ни разу не вернулся.

Возвратившись с фронта, стал работать в колхозе. Мать умерла. Брат и сестра были в избе, когда ударила молния в трубу, сестру отбросило, так же и брата, они даже оглохли, а когда увидели, что начался пожар, стали вытаскивать сундук, очень тяжелый, он еле-еле в дверь проходил, но они вытащили его мгновенно. Изба сгорела.

С 1955 года приехал в Старицу вместе с женой Марией Николаевной. Работал 6 лет трактористом, и более 25 лет киномехаником. У них шестеро детей, они живут дружно, всегда активные участники всех мероприятий.

Виктор Ануфриевич частый гость в школе, его рассказы вызывают интерес у школьников.

Воспоминания о прошлой жизни, которая не была лёгкой, безоблачной, как иногда представляется попросту многим лет, а была трудной. Наполненной каждодневным трудом, борьбой за обеспеченную жизнь; это воспоминания о страшных днях высылки в Нарымский край, когда этапы ссыльных шли через Северное на Львовку, через бескрайние болота. Не даром крайняя деревня Северного района на пути в бедующий Пудинский район называлась Горемычка. Само название говорит за себя. И это удел многих жителей Пудино, окружающих сёл, так же как и Парабели, и всех деревень этого района. Поражает, как в этих жестоких условиях ссылки люди выжили, наладили свою жизнь на новом месте, которое для детей этих ссыльных стало малой родиной.

Поражает жизнелюбие, вера в какую-то лучшую жизнь для своих детей, ради которых и работали бывшие ссыльные Нарымского края...

Репрессия в судьбе Марии Алексеевны

Мыльникова Мария Алексеевна родилась 7 сентября 1928 года. В Пудинский район попала с матерью, Лопатиной Еленой Петровной. из рассказов мамы знает, что работы было много, но поесть было что. Вот за это, наверное, и не любили богатых, что они не знали покоя, работали как каторжные. Отца с матерью вместе с братом Павлом раскулачили и сослали в Нарымский край, на Васюган. Там и померли от голода, а Павлик погиб в войну. Брат Пётр тоже погиб на войне. Он был не молодой, взяли в армию, в последнюю очередь. У него было 2 сына,

которые тоже воевали на фронтах Отечественной войны, вернулись невредимыми. Она вышла замуж и уехала в соседнюю деревню Щербаково. После её семью тоже раскулачили.

Денег у крестьян не было, всё шло на покупку сельхозмашин, а это было дорого. Продавали хлеб, скотину, чтобы уплатить налоги. А потом стали приходиться с обыском «Что искали, не знаем?». Всё перевернут, хозяина дома арестуют, посадят к кому-нибудь в дом, поставят караул, ведь в деревне-то тюрьмы нет. Потом забрали всю скотину и выгнали из дома. В переулке были 2 землянки, вот их и поселили в одну из них. Один брат уехал с семьёй из этой землянки, другому дали 40 лет, а семья переехала в другое место.

Вскоре арестовали и мужа, увезли его в районную тюрьму, а Она осталась со своими дочерьми. Старшей было три с половиной года, средней - полтора, а младшей-всего три месяца. Прожили так ещё две недели. Как то вечером пришли двое: деревенский бедняк и уполномоченный из района, и объявил нам, что отправляют в ссылку. Мороз, как на зло 30 градусов. С тали собираться. С ней была ещё мать-старушка. Из деревни в этот раз выслали 4 семьи.

Трудно описать, что пережили во время этого переезда до места ссылки. Чуть не потеряла младшую дочь.... Подъехали к болоту, которое тянулось от теперешнего Северного района до Львовки. А это 60 километров. И этот перегон нужно было проехать без передышки. Доехали до Львовки. Там полно народу, в каждой избе битком набито людей. Поехали дальше до Шерстобитова. Там тоже ссыльных полно. Некоторые даже поставили палатки. Но добрые люди пустили семью в баню, там они и прожили неделю. Затем переехали в деревню Собакино, там уделили место, в избе на платях. В посёлке было 6 домишек, а народу как мурашей.

Трудно жилось в посёлке, но всё-таки спокойно. Кругом глухомань, лес, и ничего больше. Трава не росла, один папоротник, были конечно и полянки, но там косили сторожилы. Трудно, но обжились. Создали из спецпереселенцев, колхоз. Жизнь стала налаживаться, даже находили время и продукты для праздников.... Это было лишь затишье перед бурей...

Началась война... Снова горе, голод и холод. На женщин легла тяжелая работа, налоги займы. В войну на трудодень ничего не получали, ни хлеба ни денег. Всё шло на войну. Ходили полуголодными, полураздетыми, налоги давили... А где деньги взять. Не знаю, как мы выжили. Была одна мысль: хоть бы не повторилось прошлое, ссылке...

Все вынес наш народ. Мало-помалу обжились после войны. Все стали сытыми, приделались.

Елена Леонтьевна многое пережила. Привезла в ссылку трех дочерей. Все они выросли, несмотря не на какие трудности. Много пришлось пережить, не дай, Господь, пережить такое нынешнему поколению.

Живет человек по-разному. Кому достанется дорога прямая, а кому такая кривая, ухабистая да кочковатая, но перейдет, переползет, с трудом выкарабкается и снова живет...

После войны Мария Алексеевна вышла замуж за Мыльникову Сергея

Михайловича, Он прошел всю войну. С августа 1942 года началась его военная жизнь. Воевал на 1-2 Украинских фронтах, в 70 стратегической дивизии разведчиком. Участвовал в Курской битве. Был знаменосцем дивизии, знамя дивизии носил на груди (без древка) с марта 1944 по март 1947 года.

Был награжден орденами Отечественной войны I степени и Славы II-II степени. Медалями за Победу, юбилейными медалями.

Сейчас Мария Алексеевна живет одна, дети живут отдельно. Но Мария Алексеевна ведет активный образ жизни. Летом она каждый день купается, ходит в лес за ягодами, грибами с неизменным другом – собакой. В лесу разожжет костерок,

попьет чайку, поговорит с лесом и – домой. Зимой ходит на лыжах, ездит в сауну, на Источник.

Заключение

Рассказы из этого доклада- это воспоминания людей, которых называли сначала "кулаки", потом "раскулаченные", потом - "спецпереселенцы" и даже - "враги народа".

Они были первыми в длинном списке жертв массовых сталинских репрессий, но реабилитировали их последними. Долгие годы внедрялся в наше сознание образ "кулака" - жадного, темного сельского мироеда, который мешает строить светлое будущее и достоин уничтожения.

На самом деле это было безжалостное и циничное уничтожение самой работающей, самой жизнестойкой, самой лучшей части народа. Уже сильно поредевшему российскому крестьянству в долгой бойне мировой и гражданской войны и после военного голода, был нанесен удар, от которого оно уже не оправится.

Потом будут новые голодные годы, и ещё одна война, и долгие годы агонии умирающей русской деревни...

Чем же они помешали отцу народов и его соратникам? Была ли логика в этой бойне? Да, своя логика в этом была. Во-первых, Сталин уничтожал всех потенциальных врагов, а окрепшее экономически не зависимое крестьянство определенно представляло угрозу политической власти большевиков на селе. Кроме того, для задуманной программы индустриализации нужна была валюта, и продажа зерна казалась самым простым способом ее добыть. А дешевое зерно можно было получить, только вернув крестьян в рабское полуголодное состояние. Раскулачивание и коллективизация казались большевикам подходящим способом решить обе проблемы.

Эти истории оставляют неизгладимый след в наших душах. Узнав о тяжёлых временах, мы лучше понимаем боль, страдания, слезы, горе и радость этих людей. Эту память нужно передавать из поколения в поколение, чтобы и наши потомки знали о том страшном военном времени, что люди не озлобились, что жили они не обыкновенно дружно, весело, единой семьей. Мы понимаем, что эту боль, тяжкие испытания сердце не сможет забыть никогда !!!

Список литературы

1. Воспоминания детей репрессированных родителей села Старица ,Парабельского района (Афанасьева Татьяна Петровна; Мыльниковая Мария Алексеевна; Носовец Виктор Ануфриевич; Репина Федосья Герасимовна; Хадкевич Антонида Григорьевна).
2. Копии архивных документов
3. Мы – дети страшных лет России.../Сост. С.С.Куняева. – М.: Сов. Россия, 1991 год. - С.5-6.
4. Энциклопедия для детей. Т. 5, ч. 3. История России. 20 век/Сост. С.Т. Исмаилова. – М.: Аванта+, 1996